

Д. В. Ларкович

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ЮГРЫ

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-33-42

УДК 82-3 ББК 83.3(253.3)

В статье представлен очерк развития литературы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в ракурсе актуализации колониальной проблематики. Отмечается, что литературная рецепция процессов внешней и внутренней колонизации Среднего Приобья приходится на начальный этап (1930-е гг.) формирования художественной литературы региона и выражает идею необходимости встречного движения разных культур как важнейшего условия благополучного существования человека на югорской земле. В послевоенный период эта идея, связанная с неизбежностью принципиальной перестройки традиционного сознания коренного населения в новых культурно-исторических условиях, получает дальнейшее развитие и обретает воплощение в образе нового человека Севера, стремящегося к интеллектуальному и духовному развитию, способного идти в ногу со временем. Проблема выбора человеком своего жизненного пути в условиях стремительно меняющейся реальности приобретает в югорской литературе особую остроту в 1960–1980-е гг. на фоне социальных процессов, связанных с промышленным освоением Тюменского Севера. На рубеже XX–XXI столетий критический ракурс осмысления последствий тех процессов, которые кардинально изменили жизнь народов Среднего Приобья, резко усиливается и нередко актуализирует апокалиптические мотивы в структуре художественного повествования югорских писателей. В последние годы колониальный дискурс в творчестве югорских писателей демонстрирует тенденцию к снижению социально-политической остроты и возрастанию роли онтологического и мифологического контекста. Все чаще Югра позиционируется как часть общероссийского и мирового пространства, на котором сосредоточена жизнотворческая энергия, способная спасти человечество от глобальной катастрофы.

Ключевые слова: *колонизация, колониальный дискурс, хантыйская литература, мансийская литература, художественная проза Югры, регионалистика, Е. Д. Айпин*

Процесс колонизации территории, которая в начале XXI в. обрела официальное название «Ханты-Мансийский автономный округ — Югра», имеет богатую историю и поэтапную траекторию развития. Детальному изучению и критическому осмыслению этого процесса в исторической регионалистике последних десятилетий уделяется пристальное внимание. Развивая, принципиально уточняя и корректируя наработки представителей академической науки второй половины XIX — XX в. (С. М. Соловьёва, Н. М. Ядринцева, П. Н. Буцинского, Д. И. Багалея, С. В. Бахрушина и др.), современные отечественные исследователи в большинстве своем склоняются к представлению о колонизации Югры как о пространственном движении государственных структур, направленном преимущественно на политическое, социально-экономическое и культурное освоение новых территорий в его исторически обусловленной поступательной динамике.

Так, размышляя о научной корректности дефиниции, объективно отражающей сущность процесса вхождения Югры в состав России, В. В. Трепавлов отмечает: «Представляется, что наиболее обще и объективно сложный процесс трехвекового расширения России на карте Евразии отражает понятие “присоединение”. Этот нейтральный термин подразумевает как насильственные методы, так и мирные процессы. Тем более что и во время прихода Ермака, и после него не было в Сибири ни геноцида, ни массового насильственного крещения».¹ Аналогичная точка зрения была высказана и Е. В. Вершининым, который отмечает мягкий характер колонизации территорий Северо-Западной Сибири и полагает, что «ясная политика в Сибири... была направлена в основном на сохранение традиционного уклада жизни коренных народов; курс на изоляцию автохтонных обществ имел следствием их демографический рост

Ларкович Дмитрий Владимирович — д.филол.н., профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут)
E-mail: dvl10@yandex.ru

¹ Трепавлов В. В. Проблемы вхождения Югры в состав России в отечественной историографии // История Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и ее исследование в отечественной и зарубежной историографии: материалы Международной научной конференции. Ханты-Мансийск, 2021. С. 20.

и сохранение уникальных культур».² А группа тюменских ученых результатом отечественной колониальной политики видит возникновение такого социокультурного феномена, как региональная идентичность, формирование которой способствовало преодолению в сознании местного населения комплекса вторичности по отношению к официальному центру и тем самым противостояло общим глобализационным тенденциям.³

Наряду с этим в исследовательской практике закрепился и иной оценочный ракурс, согласно которому процесс вхождения Югры в состав России определяется понятиями «завоевание» и «экспансия», предполагающими агрессивный характер территориального расширения Московского государства. В частности, профессор Кембриджского университета А. Эткинд процесс колонизации Западной Сибири на протяжении последних четырех веков мотивирует исключительно фактором погони за ее богатыми природными ресурсами: изначально — за пушниной, со второй половины XX столетия — за нефтью и газом.⁴

Такой разброс оценочных позиций исследователей дает основание привлечь точку зрения третьей, наиболее заинтересованной стороны, которая имела возможность увидеть воочию и на живом опыте пережить всю остроту событий колониального движения последнего столетия. Эта точка зрения, опосредованная формой художественного высказывания и отмеченная знаками авторской субъектности, принадлежит представителям литературы Югры, зародившейся и получившей динамичное развитие именно благодаря общей логике колониальных процессов. Считаю целесообразным предварить характеристику становления колониального дискурса в художественной прозе Югры реконструкцией исторического контекста, этот дискурс инициировавшего.

Как известно, одно из наиболее ранних упоминаний о Югре содержится в «Повести временных лет» — 1096 г. при описании похода новгородских дружин за Урал.⁵ С середины XIII в. Югра на правах вассала вошла в состав Золотой орды, а после ее распада с конца

XIV в. — в состав Сибирского ханства. Именно с этого времени территория Среднего Приобья и получила официальное наименование «Югра». Отношения между пришлым татарским и коренным финно-угорским населением были достаточно добрососедскими, что позволило народам Югры сохранить свою этническую самобытность, бытовой уклад и духовную культуру.

Существенных изменений основ традиционной культуры не повлекла за собой и русская колонизация. Во второй половине XV в. с целью установления официального господства и регулярного сбора дани в Югру были направлены московские воеводы. В 1483 г. под предводительством Ф. С. Курбского-Чёрного и И. И. Салтык-Травина был совершен военный поход за «Камень» (Урал), в результате которого часть вогульских и остяцких князей оказалась в вассальной зависимости от Московского князя, а сам Иван III добавил к своему титулу дополнение «великий князь Югорский».

Однако окончательное присоединение Югры к Московскому государству произошло только через 100 лет, уже после знаменитого «Сибирского взятия» дружины Ермака.⁶ Осенью 1585 г. отряд казаков и стрельцов под командованием воеводы И. А. Мансурова, посланный из Москвы в помощь терпящей бедственное положение экспедиции Ермака, основал в устье Иртыша Обской городок,⁷ первое русское укрепленное поселение, получившее название у местного населения «Русс-вош». Остяцкие князья пытались штурмовать эту крепость, но не смогли противостоять хорошо вооруженному противнику. Успех Мансурова обеспечил продвижение русских отрядов по другим направлениям и предоставил возможность для основания в 1593 г. крепостей Пелым и Березов, а в 1594 г. — Сургут, сыгравших роль надёжного форпоста Русского государства на Сибирском Севере.

На рубеже XVI–XVII вв. вся Югра окончательно вошла в состав Российского государства, став одним из ее основных поставщиков пушнины. Отныне местное население должно было выполнять трудовые повинности и регулярно платить ясак, который ранее поступал в казну хана Кучума. Из исторических документов известно, что к началу XVII в. каждый «ясачный»

² Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 467.

³ См.: Постколониальность Сибири: региональный синдром / Агапов М. Г. [и др.] // Философские науки. 2015. № 8. С. 68.

⁴ См.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 16–18.

⁵ Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 150.

⁶ Подробно об этом см.: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 475–486.

⁷ Ныне пос. Кирпичный Ханты-Мансийского района.

житель Югры должен был ежегодно платить дань — от пяти до одиннадцати соболей (в зависимости от уезда проживания). В лучшие годы Югра давала до ста тысяч соболиных шкурок, или 600 тысяч рублей дохода в казну. Сибирский пушной промысел составлял около одной трети доходной части бюджета Московского государства.⁸ Вместе с тем экономическая зависимость от столичного центра не повлекла сколько-нибудь значимых перемен ни в бытовом укладе, ни в духовной культуре югорских народов, что позволяло им на протяжении многих веков сохранять свою национальную идентичность и традиционную культуру.

Первые десятилетия после вхождения Югры в состав Российского государства были ознаменованы достаточно активным протестным движением коренных жителей, вызванным нелегким ясным бременем и временным ослаблением центральной власти в период Смуты. После подавления восстаний (1600, 1607, 1619 гг.) правительство провело ряд законодательных инициатив, преследовавших цель закрепления оседлости аборигенов и приобщения их к основам официальной российской культуры. В целом на протяжении XVIII–XIX столетий колониальная политика Российского государства в отношении народов Югры носила по преимуществу просветительский характер. В первую очередь она предполагала ненасильственное крещение местного населения (не исключавшее, впрочем, разрушения языческих «богомерзких капищ» и уничтожения «бездушных истуканов»), послужившее в итоге источником развития двоеверия в коллективном сознании обских угров. С конца XIX в. в уездных центрах Югры начали открываться школы и училища, обучение в которых было доступно и для детей коренных жителей.

Наряду с этим на Югорскую землю постепенно происходил приток представителей русского населения. Основную часть переселенцев из центральных регионов России составляли купцы, служилые люди, казаки, беглые крепостные, старообрядцы и др. Благодаря миграционным процессам создавались межэтнические браки, что само по себе способствовало сближению коренного и пришлого (русского) населения, их ассимиляции и интеграции.

Очередной этап внутренней колонизации был связан с революцией 1917 г. и последовав-

шими за ней Гражданской войной и установлением советской власти на Обь-Иртышском Севере, которые внесли кардинальные изменения в традиционный уклад обских угров.⁹ Новая власть последовательно начала проводить политику административно-территориального реформирования, в результате которой в декабре 1930 г. состоялось образование Остяко-Вогульского национального округа. Помимо всего прочего эта политика предусматривала активное привлечение широких слоев аборигенного населения к социокультурным и экономическим инициативам государства. Идеологическая программа новой власти предполагала решительное искоренение «пережитков прошлого», а именно борьбу с «эксплуататорскими элементами» (зажиточными владельцами угодий и шаманами) и «религиозным мракобесием». Начавшаяся в 1930-е гг. коллективизация повлекла за собой перераспределение земельных, водных и промысловых владений. Все это вызвало рост недовольства коренного населения, вылившегося в 1934 г. в Казымское вооруженное восстание.¹⁰

Последний и имеющий наиболее радикальные последствия этап внутренней колонизации Югры приходится на период масштабного промышленного освоения Тюменского Севера. Эти последствия, как известно, оказались двоякого характера. С одной стороны, бурное развитие энергетической отрасли вывело Ханты-Мансийский автономный округ — Югру в число лидеров российской экономики, чьи доходы на начало XXI в. составляли более 15 % от общего объема государственного бюджета. В настоящий момент Югра — это регион с высокоразвитой инфраструктурой, системой образования, культуры и здравоохранения. Интенсивный рост населения,¹¹ обусловленный потребностью в специалистах, занятых в сфере производства, привел к расширению

⁹ См.: Лешукова Е. В. Гражданская война в Сургутском и Берёзовском уездах Тобольской губернии в 1917–1921 гг. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 281–291.

¹⁰ См.: Главацкая Е. Ханты в составе Российского государства в XVII–XX вв. // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): научно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002. С. 95.

¹¹ По данным Федеральной службы государственной статистики, за период с 1939 по 2023 гг., численность населения округа выросла более чем в 18 раз и на начало 2023 г. составляет 1 730 353 человек. См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_hmao (дата обращения: 28.06.2023).

⁸ См.: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII веке // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–85.

городов, крупных городских поселений и создал условия для формирования особой полиэтнической среды, включающей представитель более 120 наций и народностей.

Однако промышленное освоение Югорской земли имело и иные, менее позитивные последствия. Так, Е. И. Гололобов отмечает, что процессы урбанизации и индустриального развития кардинально изменили ландшафт региона, сделали непригодной для проживания и ведения традиционного хозяйства значительную часть территорий компактного расселения коренных народов и — как следствие — вызвали массовый отток аборигенных этносов из мест их постоянного обитания в города и крупные поселения, утрату культурных и духовных ориентиров, основанных на системе традиционных ценностей народа, критическое снижение уровня владения родными языками.¹² В настоящий момент окружное правительство на законодательном уровне сосредоточено на преодолении этих проблем, однако их полное разрешение — вопрос весьма неблизкой перспективы.

Возвращаясь к разговору о литературной рецепции процессов внешней и внутренней колонизации Югры, следует отметить, что она приходится на самый начальный этап формирования собственно художественной литературы региона. Как известно, возникновение югорской литературы стало возможным только после появления письменности аборигенных этносов. В апреле 1930 г. на VII расширенном пленуме Комитета содействия малочисленным народностям Севера было принято решение о создании письменности на языках коренных народов Севера, а уже в 1940 г. в Ленинградском отделении издательства Наркомпроса был опубликован рассказ мансийского автора П. К. Чейметова (Еврина) «Ворыяп хумый» («Два охотника»), в котором косвенное отражение получили события коллективизации на Обском Севере. Герои рассказа — старый охотник манси Трофим и молодой русский колхозник Василий — носители двух различных мировоззренческих ориентаций: соответственно — традиционной, восходящей к анимистическим верованиям предков, и рационально-атеистической, сформировавшейся под влиянием советской идеологии, на почве чего между ними время

от времени возникают религиозные и идеологические разногласия, представленные в форме полемических диалогов. Однако, делая акцент на возрастном, этническом и аксиологическом различиях, автор сближает своих героев по физиологическим параметрам и подчеркивает их связь с миром природы: «Оба охотника были одинакового роста. Шли они, разговаривая и переваливаясь с боку на бок. У обоих были прозвища: у Трофима — “бык”, у Василия — “медведь”».¹³ Совместная охота и череда экстремальных ситуаций, когда «идеологические антагонисты» поочередно спасают друг друга от смерти, обнаруживают сходство и их человеческих качеств, которые способствуют преодолению разногласий и становятся условием их подлинного диалога: Василий, который «женился на мансийской девушке, переехал из далекой русской деревни в мансийскую — на родину невесты — и первый раз попал в лес»,¹⁴ обретает полноценный опыт таежного жителя и окончательно укореняется на северной земле, а Трофим, не отказавшись от веры своих предков, начинает осознавать, «что такое хорошая жизнь»¹⁵ и принимает решение вступить в колхоз. Важно отметить, что уже в этом, одном из наиболее ранних прозаических произведений югорской художественной прозы автор стремится утвердить своих читателей в мысли о том, что Югра необратимо вступила в новую эру своего исторического развития, а финальная сцена крепкого рукопожатия манси Трофима и русского Василия символически выражает идею необходимости встречного движения разных культур как важнейшего условия благополучного существования человека на щедрой югорской земле.

В послевоенный период эта идея, связанная с неизбежностью принципиальной перестройки традиционного сознания коренного населения в новых культурно-исторических условиях, получает дальнейшее развитие. Так, в автобиографической повести М. П. Вахрушевой «На берегах Малой Юконды» (1949), основу которой составляют воспоминания о событиях детской и юношеской поры рассказчицы, представлены кардинальные перемены, произошедшие за годы становления и укрепления советской власти в Среднем Приобье. Эти перемены акцентированы в тексте временными обозначениями «сейчас» и «раньше»,

¹² Gololobov E. I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use // The Soviet and Post-Soviet Review. 2021. Vol. 48, iss. 3. P. 287.

¹³ Еврин П. Два охотника. Л., 1940. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 77.

призванными продемонстрировать очевидные преимущества колхозного строя и социалистического строительства: «Раньше рыбак и охотник только брал от природы ее богатства и ничего не возвращал ей взамен. Теперь же колхозы и совхозы сами занимаются разведением пушных зверей... Раньше манси почти не потребляли овощей, молока, животных жиров, часто болели цингой. Теперь колхозы и совхозы в изобилии производят все эти продукты... Веками дремавшая тайга родного края наполнилась новыми звуками: свистом электропил, гулом моторов, гудками паровозов на узкоколейных железных дорогах, шумом и скрежетом тракторов, подъемных кранов, бульдозеров и экскаваторов».¹⁶

Принципиальное значение в повести имеет образная оппозиция «образование — суеверие» как комплекс факторов, стимулирующих или тормозящих жизненные импульсы коренных народов Югры. Символом суеверия, предассудков и пережитков прошлого в повести выступает образ шамана Кости, который, чтобы удержать свою слабеющую власть над жителями поселка Карым, не только держит их в страхе за нарушение «завета предков», но и открыто вступает в конфронтацию с советской властью, совершая жестокое убийство. Инфернальный характер поборника «старых порядков», выражающий их деструктивную сущность, выразительно акцентирует развернутая портретная характеристика шамана: «Внешне его облик был страшно уродлив. Его лицо походило на лицо большого деревянного идола: плоское, как блюдо, с узкими глазами, с желтым цветом кожи, изъеденной оспой; ...под подбородком, как мешок, отвисал зоб (по поверьям, в зобу у него жила лягушка)... Видимо, сама природа исковеркала его и отдала народу для устрашения».¹⁷

Центральное место в повести занимает апология дальновидной просветительской политики государства, которая перемежается личностно окрашенными примерами, призванными показать, как образование меняет самосознание человека Севера и открывает перед ним новые возможности: «Радостно писать о том, что жизнь развенчала старые поверья и что моя мама, в прошлом темный и забитый человек, увидела частицу настоящего счастья. Случилось это тогда, когда наша семья вступила

в колхоз, а мама стала посещать ликбез, научилась расписываться и читать печатный текст. Работала она в колхозе пекарем. Была ударницей труда. Вырастила шестерых детей. Всем им дала образование. И поняла она, что и для нее настал век счастья и радости на земле».¹⁸ Следует предположить, что этот эмоциональный пассаж косвенно выражает авторский идеал — нового человека Севера, стремящегося к интеллектуальному и духовному развитию и способного идти в ногу со временем.

Проблема выбора человеком своего жизненного пути в условиях стремительно меняющейся реальности приобретает в югорской литературе особую остроту в 1960–1980-е гг. на фоне социальных процессов, связанных с промышленным освоением Тюменского Севера. В произведениях этого периода югорские писатели задаются вопросами, ответы на которые предлагается искать вместе с читателем. Если промышленное развитие Югры — это объективный созидательный процесс, инициированный государством во благо всего народа и аборигенного населения в том числе, то почему его следствием становятся необратимые разрушительные экологические и духовно-нравственные сдвиги? Как в этих условиях должен вести себя хозяин, в чей дом пришли незваные гости, не желающие считаться с законами и укладом жизни этого дома?

Именно в этот период в югорской литературе складывается два типа героя: герой, способный принять новую реальность, продиктованную ему промышленно-убранизованным социумом, и герой, принципиально сохраняющий приверженность этнической и родовой традиции. В структуре этих типов также возможны разные сценарии реализации жизненных стратегий. Первый тип — либо получает образование (профессию), которое помогает ему успешно встроиться в новые жизненные ритмы, либо безоглядно приобщается к изначальным «благам» цивилизованного бытия и утрачивает свой нравственный облик и чувство человеческого достоинства. Второй тип — либо сознательно дистанцируется от чуждых ему новых жизненных обстоятельств, либо вступает с ними в открытую конфронтацию.

Так, например, тип героя, принявшего модель цивилизованного бытия, представлен в повести «Синий ветер каслания» (1964) мансийского писателя Ю. Н. Шесталова. Герой

¹⁶ Вахрушева М. П. На берегу Малой Юконды // Литературное наследие обских угров. Ижевск, 2016. Т. 1. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 40.

повести, от лица которого ведется повествование, — молодой учитель, который получил высшее образование в ленинградском вузе и по распределению вернулся в родное село. Приобщившись к столичной культуре, он не утратил связи со своим народом, но подлинное осознание ментального единства со своей малой родиной и ее традиционными ценностями возникает в сознании героя-рассказчика в стане оленеводов, с которыми он проходит путь весеннего каслания (оленьего кочевья). Наблюдая за трудной, но слаженной работой своих товарищей, уходящей корнями в многовековые традиции народа манси, герой задается горестным вопросом о причинах рвущейся связи времен и поколений: «Дети рыбаков и охотников — мои ученики — все хотят стать трактористами. Это хорошо! И хотят стать космонавтами, капитанами, учеными, врачами, учителями, рыбаками и охотниками. Это хорошо! Только никто почему-то не хочет быть оленеводом. А все любят нежное оленье мясо, при виде мерзлой сырой печени у всех слюнки текут. Почему у них текут слюнки и почему не хотят быть оленеводами? Может, в этом виноват и я? Виновны и все учителя: нет внимания к профессиям древним».¹⁹ Так в повести возникает мысль о личной ответственности каждого конкретного человека за будущее своего народа.

Этой же мыслью пронизана повесть хантыйского прозаика Е. Д. Айпина «В ожидании первого снега» (1979). Здесь уже вполне отчетливо звучит авторская интонация тревоги за судьбу родного края. Автор сознательно ставит своего героя — молодого охотника Микуля Сигильетова, который оставил родовое поселение Ингу-Ягун и стал членом бригады буровиков, — в ситуацию выбора. Пространственная организация повести основана на оппозиции «тайга — буровая», семантический контраст которой подчеркнут на предметно-символическом уровне и коррелирует с оппозицией «дерево (жизнь) — железо (холод, безжизненность, бездушность)». Войдя в коллектив буровой бригады («железного народа»), герой повести («таежный человек») воспринимает работу как проверку на состоятельность, как поединок с могучим противником, одоление которого — дело чести потомственного охотника. Благодаря этнической способности

к выживанию в экстремальных ситуациях и личным волевым качествам из этого поединка он выходит победителем: железо подчиняется ему, становится послушным, а сам он в совершенстве овладевает навыками «железной работы». Постепенно в нем крепнет осознание личной ответственности за происходящее: именно он, хозяин тайги, должен научить своих новых товарищей бережному отношению к тайге. В результате он приходит к выводу о том, что нужно думать о будущем: «Может, тогда больше начнут уважать друг друга буровая и тайга?!»²⁰ И для него это уже не два разных мира — мир тайги в сознании Микуля уже неотделим от мира буровой.

В повести «В ожидании первого снега» представлена и целая галерея образов «пришлых» людей. Примечательно, что на фоне основной массы буровиков, которая воспринимает Север исключительно как место высоких заработков и потому пребывание здесь оценивает как временный и вынужденный эпизод своей жизни, есть ряд персонажей, которые ломают стереотипный образ буровика как временщика и потребителя. О бурильщике Алексее Ивановиче Шишкове известно, что, проработав некоторое время на Севере, он «уехал к себе на Кубань, а через год бросил городскую квартиру, вернулся обратно в свою экспедицию»,²¹ где и остается уже более двадцати лет. А буровой мастер Петр Кузьмич Соснинский в разговоре признаётся: «Я вот привыкаю к одному месту, не хочется потом уезжать... Хотя понимаю: ускорение, новая площадь, новые надежды... и все-таки жаль... Каждая буровая хороша по-своему: у каждой своя история, свои радости и огорчения».²² За годы жизни на Севере они стали частью этой земли, научились уважать ее законы и традиции, ценить людей, волею обстоятельств оказавшихся рядом. Выполняя «железную работу» и будучи неотъемлемой частью мира буровой, они столь же органично вошли и в мир тайги, на что косвенно указывает автор, маркировав этих персонажей фамилиями с древесной семантикой.

В художественной прозе Югры этого периода получает развитие такой тип героя, который Е. В. Косинцева квалифицирует как «героя-маргинала». Исследователь отмечает:

¹⁹ Шесталов Ю. Собрание сочинений: [перевод: в 5 т.]. СПб.; Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. Стихотворения; Языческая поэма; Синий ветер каслания: Повесть. С. 334.

²⁰ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 5 т. Повести. Ханты-Мансийск, 2020. Т. 2. С. 371.

²¹ Там же. С. 379.

²² Там же. С. 377.

«Концепция маргинальности включает следующие типы: человек, оторвавшийся от рода, усвоивший городскую психологию, или находящийся между деревней и городом, который не врос корнями в город; и человек, который остался в деревне, но не ощущает с ней духовного родства, у которого разрушена нравственная сторона жизни».²³ Последний из числа названных вариантов маргинальности можно наблюдать, например, в повести хантыйского писателя Р. П. Ругина «Три шкуры» (1990), где показан процесс изменения сознания человека в условиях города. В основе сюжетного развития повести — конфликт отца и сына ханты как носителей двух разных ценностных ориентаций, индикатором которых выступают три медвежьих шкуры. Для старого рыбака Семана это сакральный артефакт, элемент этнокультурной традиции (самого медведя он определяет словом «братец»), который не подлежит ни обмену, ни тем более продаже. Молодой водитель Микипур, его сын, рассматривает медвежьи шкуры исключительно как материальную ценность, которую он намерен добыть любыми средствами, чтобы угодить своему начальнику. За непродолжительный срок проживания в городе Микипур быстро усваивает новые этические нормы и успешно встраивается в новую систему социальных отношений. В его лексиконе фигурируют такие словесные обороты, как «достать», «преподнести», «адресок», «не даром», «доставят», «при начальнике», «заплачу», «отвалит» и т. п., выражающие сугубо прагматический характер человеческих отношений, а жена Микипура презрительно называет его сородичей «здешними». И лишь оказавшись косвенным свидетелем жестокого убийства медведицы с медвежонком и осознав бессмысленность собственной инициативы по доставке медвежьих шкур как сувенира своему начальнику, Микипур интуитивно начинает ощущать ущербный и губительный характер той дистанции, которая возникла между ним и его народом: «Микипуру тоже хотелось присесть. Он чувствовал, что за эти дни устал непривычной для себя усталостью и ночью, мучаясь ломким, неглубоким сном, не снимавшим мышечных болей, не отдохнул. Присесть бы! Но почему-то рядом с насупившимся недружелюбно и враз состарившимся своей истинной старостью

Паялом он сесть не мог. Стоял перед ним».²⁴ Автор сознательно оставляет финал повести открытым, давая возможность своему герою и читателю сделать собственные выводы.

На рубеже XX–XXI столетий критический ракурс осмысления последствий тех процессов, которые кардинально изменили жизнь народов Среднего Приобья, резко возрастает и нередко актуализирует апокалиптические мотивы в структуре художественного повествования югорских писателей. Так, в повести Т. А. Молдановой «Касания цивилизации» (1996) промышленно-урбанистическая стихия, стремительно продвигающаяся по югорской земле, предстает в символическом образе полноводной реки, которая мощными потоками все шире и шире раздвигает свое русло и неумолимо сметает все живое, что невольно попадает по ходу ее течения: «Оказавшись на берегу, почуяв опасность, деревья всеми силами пытались сохранить жизнь, цеплялись за питающую их землю. Все бесполезно, вода знала свою работу, методично, шаг за шагом, она посягала на самое сокровенное, она посягала на корни. Неспособные убежать, беспомощные кедры, березки, рябинки все ниже и ниже склоняли свои обреченные головы. Наконец обламывался последний корешок, и они падали. Река с радостью хватала их трупы, уносила неведомо куда и с новой энергией бралась за очередную жертву».²⁵

В центре внимания повествователя драматическая судьба молодой хантыйской женщины Татьяны, в полной мере ощутившей на себе разрушительную силу этих «касаний цивилизации». Отправившись учиться в Ленинград, в силу своей природной открытости она становится жертвой бездушной системы социальных отношений и проходит череду всевозможных страданий и унижений (обман, предательство, подлость, жестокость, смерть ребенка и т. д.), и лишь воспоминания о детстве и светлый образ бабушки дают ей силы преодолевать все эти испытания. Основную сюжетную линию повести наиболее точно выражает название 2-й главы «Дорога к остывшему очагу». Казалось бы, возвращение в родное стойбище дает Татьяне возможность вернуться к подлинной жизни, вернуться к самой себе, но «гусеницы железного Чудовища»²⁶ настолько глубоко прошли по ее

²³ Косинцева Е. В. Образ Маргинала в хантыйской прозе // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). С. 31.

²⁴ Ругин Р. П. В ожидании сына: повести. Свердловск, 1990. С. 153, 154.

²⁵ Молданова Т. А. Касания цивилизации // Литературное наследие обских угров. Ижевск, 2016. Т. 2. С. 350.

²⁶ Там же. С. 362.

душе, что ни обретение семьи, ни зачатие второго ребенка уже не могут восстановить ее волю к жизни. И поэтому последнее слово, крик ужаса и отчаяния, который порождает угасающее сознание героини — «Спасайся!» Этот крик, подхваченный соснами, реками, озерами, болотами и разнесшийся по всей Вселенной, автор обращает и к читателю.

Не менее сильным эмоциональным накатом отмечены страницы художественной прозы югорских писателей, связанные с осмыслением трагических обстоятельств первой половины XX в. и, в частности, с Казымским восстанием. Наиболее масштабным художественным полотном в этом ряду следует признать роман Е. Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах» (1999), написанный на основе архивных материалов и отмеченный высокой степенью исторической достоверности. В основе повествования судьба хантыйской семьи, в которой нашла выражение судьба всего народа, оказавшегося на перекрестке исторических катаклизмов. Как справедливо отмечает Н. Б. Граматчикова, «трагедия войны, развязанной в тундре красными, — внешняя по отношению к хантыйской семье. Матерью Детей движет желание спасти потомство, но в ней самой нет зла. Мир северных народов в полной мере реализует потенциал возможной идеализации этнического: в нем глубокое понимание законов жизни, знание правил общения миров (Нижнего, Среднего и Верхнего), необходимая духовная прочность. Мать Детей кровным родством соединена со всеми обитателями мира тундры».²⁷

Поведение карательного отряда, совершающего набег на мирное хантыйское стойбище, представлено в романе как действие, выходящее за пределы элементарной человеческой этики. В стремлении убить, разрушить, ограбить, сожрать, нагадить проявляются не столько человеческие, сколько стадные звериные инстинкты, и не случайно в этом смысле предводитель отряда именуется в романе «вожаком», а его отряд — «собачьим войском». Сам «вожак», красный командир Владимир Чухновский, цель своей карательной экспедиции, не маскируя благовидными причинами, доходчиво излагает одному из персонажей романа: «Не вы нам нужны, а ваша земля. Если понадобится, всех отсюда выгоним. Даже ре-

зерваций, как в Америке, для вас не оставим. Все тут будет наше. Своих охотников и рыбаков привезем, по воле или поневоле. У нас их в Союзе Эс-Эс-эР пока хватает. А пока даем жить — живите, оленей пасите, детей рожайте, водку пейте».²⁸ На фоне поистине апокалиптических картин разрушения жизненного пространства семьи Матери Детей роман пронизан верой автора в будущее народа хантов, способного преодолевать любые испытания и живущего под покровом Божьей Матери.

Отзвуки Казымского восстания менее масштабно, но не менее отчетливо звучат и в произведениях других югорских авторов: в повести Т. А. Молдановой «Средний мир» Анны из Маланга», рассказах С. С. Динисламовой «Мы есть...», Г. П. Лаптевой «Сон глухарки» и др.

В последние годы колониальный дискурс в творчестве югорских писателей демонстрирует тенденцию к снижению социально-политической остроты и возрастанию роли онтологического и мифологического контекста. Все чаще Югра предстает как часть общероссийского и мирового пространства, на котором сосредоточена жизнотворческая энергия, способная спасти человечество от глобальной катастрофы, и где, говоря словами Ю. Н. Шесталова, «реально ощущается незримая связь между Космосом и Человеком».²⁹ Наибольший интерес в этом отношении представляет собой роман Е. Д. Айпина «В поисках Первоземли» (2019), в сюжетную основу которого положен миф о вечном возвращении. В романе художественно воссоздается кризисная эпоха рубежа XX–XXI столетий, в условиях которой на обломках великой империи человек утрачивает жизненные ориентиры и ценностные смыслы. Герой романа Матвей Тайшин — Маэстро, потомок старинной династии остяцких князей и профессиональный художник, цель своего творчества видит в спасении гибнущего человечества и создает полотна, магистральным сюжетом которых становится возвращение к Первоземле: «Художник писал свою картину. В ней оживали, обретали новую жизнь все его родственники и сородичи разных лет, разных времен и эпох. И он, когда писал их, вдыхал в них счастливую жизнь, оживлял, вселял радость бытия и надежды на счастливую жизнь в будущем. <...> Беря кисть и становясь к мольберту,

²⁷ Граматчикова Н. Б. «Близнечный миф» озера Нумто: Казымское восстание в художественной прозе и эго-документах // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 138.

²⁸ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 5 т. Ханты-Мансийск, 2020. Т. 4. С. 113.

²⁹ Шесталов Ю. Н. Собрание сочинений: [перевод: в 5 т.]. СПб.; Ханты-Мансийск, 1999. Т. 5. С. 37.

сначала он отправлял на Священный Остров всех своих близких родственников, начиная с мамы, отца, сестер, бабушек и дедушек. Потом всех лучших людей, кого он знал и с кем когда-то сводила его судьба. А после открыл туда путь людям, нуждавшимся в укреплении духа, в укреплении веры, в поиске веры или в поиске истины».³⁰

По замыслу автора, находящаяся на рубеже тысячелетий Россия переживает ситуацию «второго всемирного потопа» как следствие утраты человеческим сообществом своих духовных ценностей. Писатель дает понять, что история совершила свой очередной цикл и Россия находится на пороге новой эры. В этой кризисной ситуации очень важно найти тот единственно верный путь, который приведет ее к спасению и возрождению, а не к окончательной катастрофе. В этой связи автор актуализирует миф о вечном возвращении, который обретает в романе продуктивный характер и оказывается ключевым смыслопорождающим фактором. На примере судьбы Матвея Тайшина, главного героя романа, который проходит через сложные жизненные испытания,

но обретает искомый смысл бытия, Айпин убедительно демонстрирует, что возрождение России невозможно без осознания своих культурных и духовных истоков, без движения к своей ментальной Первоземле.

Таким образом, за менее чем столетнюю историю своего существования югорская литература, зародившаяся в результате внутренней колониальной политики Российского государства и благодаря ей получившая динамичное развитие, прошла путь от апологетики субъектов социально-исторического реформирования — через критическое восприятие его результатов — к подлинно философскому осмыслению жизненных реалий, сформировавшемуся на фоне роста регионального этнокультурного самосознания. Каждый этап поступательного движения колониального дискурса обусловлен общей логикой развития общественного сознания и отражает приоритеты его ценностной динамики. Итогом этого движения стало понимание общности исторической судьбы народов Югры, России и всего мира при условии сохранения их этнокультурной идентичности.

Dmitry V. Larkovich

Doctor of Philological Science, Professor, Surgut State Pedagogical University (Russia, Surgut)

E-mail: dvl10@yandex.ru

COLONIAL DISCOURSE IN THE YUGRA LITERARY PROSE

The article presents an outline of the gradual development of the literature of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra from the perspective of representation of colonial issues. It is noted that the literary reception of the processes of external and internal colonization of the Middle Ob region falls on the initial stage (1930s) of the formation of the regional fiction and expresses the idea of the need for the oncoming movement of different cultures as the most important condition for the prosperous of man's existence on Yugra land. In the post-war period, the idea associated with the inevitability of a fundamental restructuring of the traditional consciousness of the indigenous population in new cultural and historical conditions is further developed and embodied in the image of a new man of the North, striving for intellectual and spiritual development, able to keep up with the times. The problem of a person's choice of his life path in a rapidly changing reality becomes especially acute in the 1960s–1980s Yugra literature against the backdrop of social processes associated with the industrial development of the Tyumen North. At the turn of the 20th–21st centuries, the critical perspective of understanding the consequences of those processes that radically changed the life of the peoples of the Middle Ob region sharply increases and often actualizes apocalyptic motives in the structure of the Yugra writers' literary narrative. In recent years, the colonial discourse in the works of the Yugra writers has shown a trend towards a decrease in socio-political severity and an increase in the role of the ontological and mythological context. Increasingly, the region is being positioned as part of the all-Russian and world space, where life-creating energy is concentrated, capable of saving humanity from a global catastrophe.

Keywords: *colonization, colonial discourse, Khanty literature, Mansi literature, Yugra literary prose, regional studies, E. D. Aipin*

³⁰ Айпин Е. В поисках Первоземли. М., 2019. С. 45.

REFERENCES

- Agapov M. G., Adaev V. N., Ganopolsky M. G. et al. [Postcolonial Siberia: Regional Syndrome]. *Filosofskiye nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 8, pp. 66–79. (in Russ.).
- Bakhrushin S. V. [Yasak in Siberia in the 17th Century]. *Nauchnyye trudy* [Scientific Works]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1955, vol. 3, part 2, pp. 49–85. (in Russ.).
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013. (in Russ.).
- Glavatskaya E. [The Khanty as Part of the Russian State in the 17th–20th Centuries]. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov (materialy k atlasu): Nauchno-istoricheskiye ocherki* [Essays on the History of Traditional Land Use of the Khanty (Materials for the Atlas): Scientific and Historical Essays]. Ekaterinburg: Tezis Publ., 2002, pp. 75–122. (in Russ.).
- Gololobov E. I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, vol. 48, iss. 3, pp. 262–288. DOI: 10.30965/18763324-bja10042 (in English).
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015. (in Russ.).
- Gramatchikova N. B. [The “Twin Myth” of Lake Numto: Kazym Uprising in Fiction and Ego-Documents]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2021, no. 1 (11), pp. 130–146. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-130-146 (in Russ.).
- Kosintseva E. V. [The Character of Marginal in Khanty Prose]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 4 (11), pp. 30–39. (in Russ.).
- Leshukova E. V. [Civil War in the Surgut and Berezovsky Districts of the Tobolsk Province in 1917–1921]. *Ocherki istorii Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry (k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry i 900-letiyu pervogo upominaniya Yugry v russkikh letopisyakh)* [Essays on the History of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra (to the 90th Anniversary of the Formation of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra and the 900th Anniversary of the First Mention of Yugra in Russian Chronicles)]. Moscow; Khanty-Mansiysk: S. n., 2020, pp. 281–291. (in Russ.).
- Trepavlov V. V. [Problems of Yugra Joining Russia in Domestic Historiography]. *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry i yeye issledovaniye v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra and its Research in Domestic and Foreign Historiography: Materials of the International Sci. Conf.]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2021, pp. 20–22. (in Russ.).
- Vershinin E. V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian Colonization of Northwestern Siberia at the End of the 16th–17th Centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy institut Publ., 2018. (in Russ.).

Для цитирования: Ларкович Д. В. Колониальный дискурс в художественной прозе Югры // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 33–42. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4 (81)-33-42.

For citation: Larkovich D. V. Colonial Discourse in the Yugra Literary Prose // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 33–42. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-33-42.